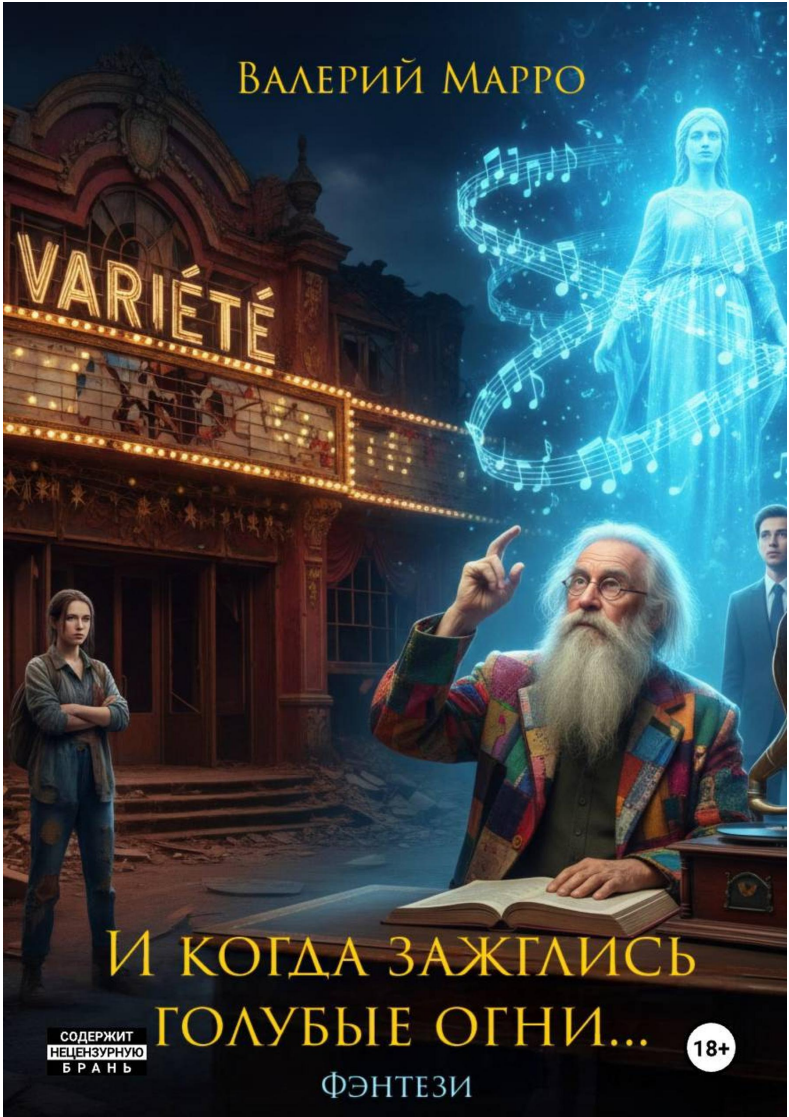

Валерий Марро
VARIÉTÉ
И когда зажглись голубые огни...
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
Фэнтези

Валерий Марро

И когда зажглись голубые огни…

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72953557
SelfPub; 2026

Аннотация

Он – седой мечтатель в лоскутном лапсердаке. Она – артистка варьете с бродяжьей сумкой. Вместе они – тайный «Союз спасения», готовый бросить вызов цинизму XXI века при помощи старого граммофона и веры в вечную любовь.

Но кто на самом деле диктует правила в этом странном доме? И какую цену придется заплатить за право жить в мире грез? Современная драма о столкновении идеализма и реальности, где финал окажется неожиданным даже для самих героев.

Валерий Марро
И когда зажглись голубые огни…

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Виссарион Ильич Приказов – антиквар

Шура Брик – артистка варьете

Роман Чуднов, студент Академии искусств, художник

Сергей Удальцов – друг Романа Чуднова, богатый наследник, режиссер

Гипатия Александрийская

События происходят в наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Комната, напоминающая антикварную, довольно большую по размерам, лавку. На стенах висят портреты исторических персонажей прошлых времён. Вдоль стен стеллажи, забитые вперемежку античными фигурками, древними фолиантами, театральными масками Японии, Италии, Китая. На кровати, столах, подоконниках и полу – повсюду старин-

ная утварь, посуда, подсвечники, дамские шляпки, платья, обувь… сабли, кинжалы с алмазными рукоятками; древние амфоры, чаши, браслеты… и множество других всевозможных предметов давно ушедшего быта. В центре, за широким дубовым столом, в древнем, сильно потертом, кресле, лицом к зрителям, сидит мужчина лет 50-ти. На голове – пышная кипа седых волос, по бокам бакенбарды, внизу – усы, лицевой овал обрамляет небольшая, клинышком, бородка. У мужчины круглые, в тонкой, металлической оправе, очки. Они приспущены, держатся на самом кончике носа, так что видны глаза, на удивление молодые и задорные. На мужчине изрядно поношенный, сшитый из разноцветных лоскутов, лапсердак, в руках у него отвёртка. Он пытается починить вышедший из строя граммофон.

МУЖЧИНА /напевает энергично/.Ооо… ммм… бу-бу бууууу… даяаа… бубу… ммм… йооо… хммм… тарара бумммм… биумммм… дуууу…

Со временем становится ясно, что это Каватина Валентина "Бог всесильный, бог любви" из оперы Шарля Гуно "Фауст". Продолжая напевать, мужчина накручивает ручкой пружину завода, ставит граммофонную пластинку, на которую, тщательно прицелившись, осторожно опускает головку с иглой. Звучит 4-я симфония Брамса, первая часть. Начало.

Огго… огогого… Заиграл, паршивец!

Мужчина вскакивает, бегает по комнате.

Он думал меня обвести, старый ворчун! Мол, не гожусь уже ни на что! Древний я, мол, сморчок, нутро моё сгнило… А как звучит, стервец, вы слышите? Как волнуются скрипки? Валторны как призывно трубят? И вот… вот они, виолончели, вступили, подхватили божественный гимн любви. С альтами вместе!

Подпевает с оркестром.

Тудуу… туду-тудуу-дууу, туду-туду-дууу…

Да, я маленький человек. Кто меня в этом мире знает? Никто! Ровным счётом! Но я единственный, кто знает тайну! Гипатия Александрийская… это она… она в мелодии Брамса! Живёт, дышит, влюбляется, ощущает наш земной мир! Её нега, её ум, обаяние там… вы слышите эти, нечеловеческие страдания души?

Мелодия сменилась оркестровыми тутти, перекличкой духовых инструментов, пиццикато струнных. Отворачивает раструб граммофона чуть в сторону.

Дьявольская музыка, должен я вам сказать… Нервы с корнем рвёт! Выворачивает нутро! И судьба этой гречанки – ей под стать! Что мне, казалось бы, до этой судьбы? До взглядов на мир давно ушедших динозавров духа? В том то и дело, что из-за них … этих гениев мысли, всё и началось! Не простили ей влюблённости в жизнь и высокий полёт свободного духа. Извините, я несколько отвлёкся… Судьба Гипатии – вот что стало смыслом всей моей жизни. А она – моей музой. Яркой, ослепительной звездой! Пленительным образом прошлого, с чем я не в силах расстаться… вот уже столько лет!

Осторожно снимает головку проигрывателя с пластинки.

Уфф… пробрало как! А вас… вас тронуло? Ну, признайтесь, – хоть чуть-чуть… самую малость? Тронуло… да?

Картина вторая

ШУРА /входит. Сбоку – бродяжья сумка, в руке – бумажный пакет/ Тронуло, тронуло… шандарахнуло! Кого ты снова там охмуряешь? /Смотрит/. Мышей, чё ли? Или крысу эту опять… Машку?

Заразительно хохочет.
Ставит на лавку сумку, на стол – бумажный пакет.

ОН. Это я, Шурочка, радуюсь так – заиграл вновь дружок мой! /Указывает на граммофон/. Мне без него… скучновато порой бывает. Вот и Машенька…

ШУРА. Она… коханка твоя, на Брамса всегда из норы своей вылазИт. Я ж знаю! Сидит и слушает, стерва, как в филармонии вроде, даже глазом не моргнёт… Я наблюдала.

ОН. Душа у неё нежная, Шурочка… это правда. Люблю её… за тонкость восприятия. Привык уже к ней.

ШУРА. Я вот… как наверну тварюку эту наглую… веником /замахивается/ – и кончится твоя любовь! Тоже мне… лямуры здесь развёл. В моё отсутствие. Я вон… жратву принесла! /Грубо отодвинув в сторону граммофон/. Вот… хлебец с тмином /достаёт из пакета/. Жуй, дружок, пока свеж пирожок! /Нюхает/. Мм… какой пахучий… Прям из пекарни! /Отламывает кусочек, даёт ЕМУ. А вот это, Виссарик… /нежно/ кусочек "Шарлотки"… моей, любимой! /Показыват/. Они поделились со мной… а я вот делюсь – с тобой! /Отрезает равную часть и даёт ЕМУ/. Как говорят англичане:"Кто яблоки ест – у того нет слабых мест! "

Заразительно хохочет, чмокает антиквара в щеку.

/Доверительно/. Я педовкам этим, в белых халатах сегодня пол марафетила… Шваброй: туды-сюды, туды-сюды… целых полчаса! Ну, прям Брамс получается! Натуральный! Устала малость, конечно… зато имеем буханочку… и тор-

тик, в придачу! А от твоего… /смотрит на граммофон/ пердуна старого… какой толк?

ОН. Пожалуйста, Сашенька… поласковее. Он… это история. А историю уважать надо.

ЩУРА. Ну харе, харе… уважаю уже. Ради тебя и терплю. Смотри-ка, милый, какой цымус я, в пополнение романтического говнеца твоего /указывает на стены/, закуконила?

Вынимает из сумки свёрнутый трубочкой листок. Разворачивает. Демонстрирует. Это изрядно помятый портрет Леонардо да Винчи.

/Пристраивая портрет на стене/. Хожу по бульварам, шуршу, ботлы в фиалках ищу. Смотрю – Версаль трёхэтажный нарисовался! Башенки золотые так и сияют на солнышке, как брюлики в царской короне! Зарулю-ка, думаю, к буржуям родным. Можбыть, разживусь кой-какой вещицей стрёмной… в мусбаке у них. Маханула через забор… и вижу – летит самолётик. Прям на меня! Беленький такой, симпатичный. А он… потёма… с балкона… ручкой барской своей, самолётику этому… вот так делает.

Показывает.

– А на морде – оргазм!

Показывает.

Думаю: чёй-то кабан этот… так резвится? Спермой брызжет по всей планете… от удовольствия. Развернула – а там… он, родимый. Знал бы, что самолётиком станет буржуйским… в двадцать первом веке, не малевал бы свою мадонну.

ОН. Таких недотёп, Шурочка, жалеть нужно. Не ведают, что творят.

ШУРА. Не жалеть, а с балкона снимать – и спрашивать: "Где… урод, бабло такое, несметное, взял?" – так правильней будет! Но оставим мутную, тему… /Открываевает сумку, показывает/. Глянь лучше – чем разжилась твоя леди сегодня? /Выкладывает содержимое на стол/. Вот… само собой – выпивон… закусон! Огурчик малосольный… колбаска – московская, не какая-нибудь… ляпшмурдяковская! И… гуляй, душа бродяжья, не хочу!

ОН. Насчёт… гуляй душа, Сашенька, я не против. Душу нашу иногда ублажать надобно. Погуляешь вволю, подкрепишь свою плоть – и чувствуешь, как внутри округлостей наших возникнет… яркое пламя…

ШУРА. А музыка? Музыка… Виссарик? Вечный, бодрящий душу, родник тончайших человеческих… чуйств, как ты чирикаешь мне иногда, гёрле своей Тобосской!

Меняет на диске граммофона пластинку.

Звучит "Менуэт" Боккерини.
Танцуют.

Я, Виссарик, как заявилась к тебе… сюда, сразу признала: кундейка твоя /указывает на интерьер комнаты/ – класс! Куда ни глянешь – всё куда-то тебя ведёт, всё о чём-то тебе рассказывает. О портретах я воще молчу – словно выставка какая, московская – столько морд здесь вокруг наворочено!

ОН. Это, Шурочка, не морды, а лица. Известные… знатные люди из прошлого. Пожалуйста, выражайся, говоря о них, поинтеллигентней… с уважением – хорошо?

ШУРА. Лица – они для тебя, Виссарик. А для меня, бомжихи Шуры, они – рыла! Нахлебники. Что на чужом горбу сидели… и свысока на всех глядели! В большинстве своём… как я считаю, за редким исключением. Мне, можбыть, больше нравитесь сегодня вы… оба! Вот он…гений этот, древний /указывает на портрет Леонардо да Винчи/, со своей Моной Лизой… и ты – реальный уже, земной мужичок, заморенный своими мечтами… /поёт, войдя в мелодию менуэта/ о мире том, высооком, прекрасном… но далёёком!

Обнимает его, хохоча. Он смущается.

Ой… чёй-то мы, как девица стыдливая? Зарделись все… зарумянились… Ты чё, антиквар… не зажимал на свиданках баб своих? Да?

ОН. Ну как сказать… Шурочка… Не так уж, чтоб совсем… Просто мы с тобой… мало знакомы. Всего лишь… несколько дней.

Идут к столу.

ШУРА. Сейчас, милок, и двух минут хватает! Совпадём? Совпадём! И – кувыркаться… в отель! Время такое…

Сняла с пластинки головку граммофона.
Наслаждаются едой.

ОН. Другие времена пришли, Шурочка, а с ними – другие нравы. Но человечность все же осталась. Хотя и не в таком количестве, как хотелось бы… Потому что это – всегда хорошо! Ангелов лишних не бывает…

ШУРА. Смотря каких ангелов, Виссарик… Те, что в небе летают – это одни…

ОН. А другие? Кто они… где ты их отыскала? /Смеётся/.

ШУРА. В телеке… в телеке отыскала! Сидят… по двое обычно, и жужжат… жужжат целый день: поможжжим гражжждАне… бомжжжам! Не оставим бродяжжжек в биде! А я им… в ящик этот: пожжжалте… жжжуки вы… навозные! Приходиите!.. Кильки свои приносиииите! Гречкой с гнильцой пригощаааайте, просроченный сок наливаааайте! Не откажжжиииимси! /Хихикает/.

ОН /входя в игру/. А ящик?.. Что же ящик-то в ответ… Шурочка? /Смеётся/.

ШУРА. А ничего… Бухтит своё, как заводной… Им же, мымрам в ящике, не важнно – что скажем им мы? Им важно – что споют нам они… соловьи залётные?

ОН /с удивлением/. Соловьи?!.. А ты сказала – жужжат! /Смеётся/.

ШУРА. Они, Виссарик, по-разному могут: когда приспичит им, жужжат для нас – немытых, худых и небритых! С утра, пораньше… пару минут! А потом, весь день, поют о себе, любимых: как всё вокруг у них слажено да медком ешё напомажено! Так что ангелы ангелам – рознь, Виссарик: там, в небесах, одни – а здесь, на земле, – совсем другие! Переформатированные в соловьёв, как сейчас говорят… Ну ладно… хорош трындеть! /Достает косметичку, наводит марафет/. А то шнырят там… фибры немытые, разбирают товар.

Чмокает его в щеку.

А ты давай… развлекай свою Машку. Только смотри мне… без постельных сцен! /Хохочет/. Ну ладно, ладно… не гундось… пошутила я! Мне в мои хезники… пардон – мусбаки пора. Через часок… опять: скок-скок-поскок, в этот милый уголок! Улю-лю… паучок ты мой антикварный! Обожжжаю!

Активно размахивая своей, бродяжьей, сумкой и напевая "Тореадор… смелее в бой, тореадор, тореадор…", уходит.

Картина третья

ОН /после паузы/. Ну что с неё возьмешь? Дитя природы! А ведь правда… она – само очарование? Я это сразу понял… Хотя знакомы-то мы… всего-ничего, случайная встреча. /Задумался/. Переформатированные в соловьёв, сказала она… Очень может быть! Весьма похоже на то, что творится вокруг. Но, думаю, грешат новым форматом сегодня не только ангелы… Семья… есть такая ячейка в обществе. Вернее, была… И у меня тоже. Большая семья. Кто кого любил, я не помню. Но хорошо помню: меня не любил никто. Потому что хотел знать слишком много. Вот и сейчас… вокруг – что? Говорят – семья, а подразумевают? Кто… с кем?.. В каком формате?.. Вы знаете? Я – нет!

Пауза.

Мафия – тоже семья! Самое главное для них – быть единой семьёй. Главнее всех главных… как в песне Долиной. /Загибает пальцы/. Он, она… тесть, сынок, дочурка, зять… любовница… бывший сосед по нарам. Восьмёрка распашная! Все дружно гребут в одну сторону… известно какую. И там… на том берегу, они всегда – первые! Почему? Потому

что на финише – следователи, прокуроры, судьи, банкиры, юристы – все свои. Члены тайных семейных уз. А в сумме – новый формат! Мощный, непробиваемый, похлеще первого… древнего!

Ну, это я так… к слову. Я вообще – о другом! Вообразите себе бабищу: под два метра, плечи – во… молотобойца! Или штангистки олимпийской! Она была ещё девушкой. То есть не знала мужчины. Это в сорок-то лет!.. Целомудренное существо… В ней я слышу отголосок той моей, давней мечты… Прачка, стиравшая платья и панталоны праздных буржуев и развратных девиц? А влюбился в неё… ресторанный контрабасист… на голову ниже неё. Так себе… невзрачный кабацкий лабух. Пьянчужка. И моложе… на целых четырнадцать лет! Но получился… Брамс! Гений! И вот – Гипатия… Они растерзали её… черепками! Разорвали на куски! Потом сожгли… прямо у церкви! За что? Потому что была чиста и умна… как эта прачка… мама Брамса. "Какую музыку мне писать?"– спросил её Брамс однажды. Она ответила: "Пиши, сынок, музыку простую и ясную. Чтобы она волновала души людей. Тогда её будут любить все". Он запомнил эти слова. И хранил в своей душе… до последних дней. Поэтому и звучат такие мелодии, от которых… вот тут… напряжение возникает порой. А этим варварам в рясах мудрость была не нужна. Их пугала её святость. Её правда о жизни, которая высвечивала их глупость. Они привыкли жить во мраке, как пауки. Лучи сияния её ума были губительны для них…

Смотрит на портрет Гипатии.

Картина четвёртая.

Кто-нибудь из вас обязательно подумает: странный он… этот антикварный чудак! Как это – любить прекрасную… память? Всю жизнь! И считать себя счастливейшим из людей? Явные отклонения в психике… В мечтах ещё можно такое себе позволить, но в реальности… извините! Живое должно быть рядом с живым! И никто это правило жизни не отменял. Когда я вижу в глазах людей такой упрёк, я думаю: "Насколько были бы вы счастливее, озари ваши души и мысли то прекрасное, что снизошло однажды ко мне!" Нет, нет… я могу, могу их понять… я их не осуждаю! Просто мы с ними живём совсем в других измерениях: они там, где много фальшивых законов и правил, а я – здесь, где закон лишь один – любовь! Недосягаема… Как это прекрасно!

Замолк. Прислушивается.

Опять скребётся… паршивка. Просит Брамса… Ну как ей объяснить, что Брамс сегодня – не формат! Всё, что было – ушло, всё изменилось: и в душах людских, и в звуках музыки новой… из трёх аккордов… в природе даже! Если раньше был теплый, спокойный зюйдвест, то теперь, всё чаще…

океанский муссон, переходящий иногда в смертельное для народов торнадо…

Слышен писк.

Сердится… Понимает, видимо, что я прав! Сейчас, подожди… подожди немножко, радость моя, получишь ты свою порцию приятных волнений, свой о…пе… рантный бихе… вио… ризм. Уфф… еле выговорил. Это я в иностранных журналах вычитал. Как учили крыс нажимать… заветную кнопочку, чтоб получить удовольствие. А потом – людей принялись учить. Как крыс. По всему миру… нажимать нужные кнопочки. И научили! Результат – "на морде лица человечьего профиля", как сообщила однажды мне Шурочка. То есть полное отсутствие присутствия. Не верите?.. Сейчас докажу! Секундочку… нужно освободить место для десерта.

Приводит стол в порядок. Ставит на плитку чайник.

Давно уж замечено: интеллект крыс заметно отличается от человечьего… в лучшую сторону. А иначе как объяснить: человек наркоту в страну везёт, а они, крысы, наркоту эту ловят… вместе с курьером, разумеется. Или мины находят… в жаркой Африке, где порой шагу ступить нельзя, чтоб не взорваться. Спрашивается – кто умней?.. То-то…

Картина пятая

Естественно, раньше, при родителях, здесь всё было… не так, как сейчас. По крайней мере, добра здесь не было. Никогда! И музыки – тоже. Той музыки, что всегда крайне волновала мою душу, вносила успокоение, просветляло мой ум. Музыки, парящей так высоко, что никто, ни один гений мира, не сможет ответить: в чём же тайна её божественного воздействия на души людей? И, став хозяином, я приложил немало усилий, чтобы из этой убогой, мещанской квартиры сделать со временем то, что вы сейчас видите. /Показывает, обходя/. Стеллажи, подрамники, шкафы… кладовые и антресоли… там хранятся мои сокровища. Вот этот /подходит к граммофону/… мой добрый, старинный приятель… он всегда здесь, на столе, со мною рядом. Везде видна моя рука и моё святое желание – вернуть в этот бездушный, агрессивно настроенный ко мне мир, любовь.

Но иногда… признаюсь вам честно, мне становится жутко: а вдруг… у какого-то чинуши, облаченного властью… мыслишка каверзная возникнет: не пора ли у него… крота этого древнего… ревизию провести? По учёту вещей? На законном… вроде бы, основании? Глянуть… своим алчным глазом – чего это он туда… в кундейку свою паучью, понатаскал… этот любитель античных дивностей? Придут однажды… все в чёрном… с чертами сумеречных гипихунгов из "Гибели богов" Вагнера – и всё! Конец! Моя святая любовь

к старине будет вдребезги разбита… о "берег быта"! И придётся мне, в конце жизни, испытать все прелести обитания Робинзона Крузо… на ограниченном пространстве Земли… в гордом одиночестве – это в лучшем случае!

Но я, как правило, гоню от себя эти грустные мысли, надеясь на лучшее: всё-таки живём мы в 21 веке, а не в суровом 15-м, когда инквизиция вовсю бушевала. А в жизни мне многого и не надо. Одежонка кой-какая имеется: лапсердак вот этот… сшитый собственноручно, я с ним не расстаюсь уже много лет; пара башмаков – антикварных… стоптанных, правда, слегка; зонтик Марии-Антуанетты, казнённой на гильотине… на случай дождя. А пропитание взяла теперь на себя… Сашенька. /Улыбается, расцвёл/. Ангел! Неземное существо! "Откуда исходит добро?" – спросила она недавно. Я молчал… растерялся… или, если честно, просто не знал, что ответить? "Из Земли оно идёт, потёма, – говорит она мне. – От матери нашей, кормилицы. Она как бы подпитку нам, детям своим неразумным, даёт. Чтобы добро это, земное, переходило затем в музыку… или вот в эти… краски или слова разные, что ты любишь". Я смотрел на Сашу… оторву эту шальную, что ни кола, ни двора никогда не имела, – и не мог поверить: она это всё говорит… или ангел небесный случайно ко мне залетел? Через форточку? С тех пор мы вместе… вот уже несколько дней.

Картина шестая

Недавно я подумал: мне нужно совершить поступок! Чтобы попробовать этот гнусный мир исправить, сделать другим. Нужно чем-то шандарахнуть его… по башке! После чего он стал бы вести себя по-другому! Я долго думал над этим… и придумал. Я должен… заорать! Желательно очень громко. Летом. Ночью. На площади любимого правительством Сочи! Чтобы все испугались: бродячие собаки, коты, дежурные менты, случайные прохожие, влюблённые, бомжи, тараканы на кухнях, проститутки в саунах, депутаты в ночных кабаках! Ведь не каждый же день такое увидишь: вышел озабоченный, патлатый хмырь на площадь – и орёт! Очень громко. Вот так:

Аааа… ааааааааа… ааааааааааа…

Я вас не испугал? Извините… Думаю, вы согласитесь – меня бы услышали… правда? И тогда я вернул бы музыку. Я остановил бы этот… ужасный крестный ход… с шагающими по Земле скелетами. Без тела и души. Да, я вернул бы музыку. Непременно! Каким образом? Вполне возможно, моё соло на площади услышал бы какой-нибудь важный чиновник… или даже премьер? А почему бы и нет? И премьеры иногда… правда, очень редко, пешком ночью по городу ходят. Днем у них дел много… да и протокол не позволит. Подошел бы он, премьер этот, послушал меня… на расстоянии, конечно,– и проникся бы ко мне… нет, не уважением – сочувствием к одинокому, дико орущему, существу. Ночью. На

пустой площади. В 21-м веке! Проникся бы он этим своим… очень большим сочувствием… и задумался… Хотя нет… задумался – это уж слишком. Задуматься – это уже сложный мыслительный процесс. Не каждому это дано. Тем более – большому чиновнику. Я не оговорился: премьер – тоже чиновник. Только очень высокого ранга.

А, тем временем, во все квартиры, кварталы… вокзалы и пристани Сочи… уже ворвется мой крик! И сбегутся на него все: полиция, бомжи, проститутки, министры, влюблённые пары, коты бродячие, тараканы… прусаки, рыжие такие… с усами, которые на Земле останутся… когда нас, людей, уже не будет. Возможно, президент даже… на вертолёте прилетит. И начнется совещание на месте… Там же… на площади. Экстренное!.. Как же, мол, так? Как это мы… такие разэтакие, народ довели… а я, как-никак, тоже народ, маленькая частичка, правда, песчинка, можно сказать, микроскопический элемент общественной жизни, но, всё равно – народ! – как это мы, уважаемая партия воров и жуликов… я, кажется, случайно оговорился… или нет? Вы считаете – нет? Или, всё-таки, – да? У нас демократия… не бойтесь! Расправьте плечи, господа, поднимите выше голову!

В общем… я продолжу. Как, мол, мы… команда исключительно порядочных и честных во всех отношениях правителей, могли довести народ до такого уровня, что вот эта песчинка, этот микроскопический наноэлемент нашей, абсолютно здоровой, общественно-политической системы не

выдержал… и заорал? Причём очень громко. Как паровоз! Нет… даже ешё громче… как… извините, не могу подобрать пока нужного слова.

Значит, была причина? А где… в чёмона, эта причина, спросят они сами себя, внимательно глядя в глаза друг другу, пытаясь в этих честных, неподкупных глазах отыскать те самые, зловредные, неуловимые причины? Что заставило его… этого выходца из самых глубин народных, горячо любимых нами, масс, производить вот здесь, на площади, глубокой ночью, такое… необычное действие? Странный тип! Необычный! Похоже, мутант… или сектант? А откуда родом? Из какой партии? То ли из Октябрьской революции?.. то ли из Оранжевой?.. то ли из рядов Болотной?.. Неизвестный, значит, не исследованный великим Бехтеревым, архетип общественной среды.

А значит – вдвойне опасный! Начнут искать истоки. Не найдут. Почему? Потому, что я… скажу вам по большому секрету – маргинал. Одиночка. Живу на пенсию, гуляю сам по себе. Как кошка Киплинга. И никогда, ни в какие склизкие, дурно пахнущие, партийные выделения никогда не вступал. /Крестится/. Не найдут они этих истоков… и ко мне, на площадь, ринутся! А я, как увижу, что бежит ко мне эта… несметная орда бандитов… извините, случайно оговорился… этих ментов, папарацци, купленых спецкоров, проституток, бомжей, тараканов, бродячих котов… во главе с перепуганым насмерть премьером, ещё громче… еще силь-

ней заору. Как… как сирена эмчеэсовская – вот, вспомнил!.. когда наводнение ночью!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.